

ПАМЯТНИКИ ХРИСТИАНСТВА В ГЕРАТСКОМ ОАЗИСЕ?

© 2006 г. А. А. Китаева

Институт археологии РАН, Москва

В 2003 г. в городе Латт (Франция) состоялась международная конференция, посвященная археологии Афганистана. К конференции была подготовлена выставка, на которой было экспонировано 342 объекта культурного наследия, значительная часть из которых до сего времени не была опубликована (*De l'Indus à l'Oxus...*, 2003). Некоторые объекты принадлежат музеям и были ими предоставлены для этой выставки, но не меньшую роль играли и произведения искусства из частных коллекций. Известно, что в последние десятилетия на территории Афганистана процветает “черная археология”, и, естественно, что практически все обнаруженные ценности оседают исключительно в частных коллекциях. Можно привести многочисленные примеры первоклассных произведений искусства и письменных документов, которые оказались в таких коллекциях.

Среди объектов, представленных на выставке и принадлежащих частным лицам, имеются три, привлекающих особое внимание: бронзовый крест, датируемый VI в. н.э.; печать с византийской пломбы – XI в. н.э. и верхняя часть посоха из слоновой кости с вырезанной на конце фигуркой пастуха, несущего на плечах барашка, и лежащей у его ног собакой (Gignoux, 2003a. P. 397) (рис. 1).

Эти три предмета интересны с двух точек зрения: они происходят, согласно вышеупомянутой публикации, из Гератского оазиса; они, по всей видимости, свидетельствуют о христианской общине, существовавшей там. При этом следует отметить, что Гератский оазис – самая плохо исследованная в археологическом отношении область Афганистана, поэтому публикация подобных объектов имеет большое значение как для понимания собственно археологических проблем, так и для истории христианства в центральноазиатском регионе.

Отметим, что крест (Gignoux, 2001. P. 291–304; Gignoux, 2003b. P. 398) несет на себе пехлевийскую надпись, которая не может быть полностью понята, поскольку часть знаков отсутствует, а часть повреждена. Однако совершенно ясно, что крест принадлежал несторианской общине, так как в данном регионе только несториане использовали в культовых целях этот язык. Столь же показательна и печать. Она имеет надпись на греческом языке и, бесспорно, свидетельствует о каких-то контактах между христианами Герата и Константинопольским патриархатом (Gatier, 2003. P. 398, 399).

Наибольшее внимание привлекает, однако, третий предмет из этой коллекции – скульптурное изображение молодого пастуха с барашком на плечах (Landes, 2003. P. 399). К сожалению, локализация находки довольно широка в связи с тем, что мы не знаем, при каких условиях и при каких обстоятельствах был найден данный предмет. К. Ланд датирует эту находку II–IV вв. н.э. Что касается ответа на вопрос, кого представлял этот пастух, то он колеблется между Добрым пастырем и Гермесом Кривоногим. Отметим прежде всего, что определение ее (хотя и со знаком вопроса) К. Ландом как ручки ножа не может быть принято. Единственное возможное функциональное назначение данного произведения, если исходить из того, что здесь изображен Добрый пастырь, – навершие посоха.

Гладкая лощеная часть посоха из слоновой кости, сохранилась высотой в 5 см. На верхней его части сделано нечто вроде пьедестала прямоугольной формы со слегка выступающим основанием размерами 3 × 1.5 см, на котором изображен молодой юноша-пастух, одетый в короткую тунику без рукавов, перехваченную на талии поясом, и без обуви. Пастух стоит в свободной позе, левая нога чуть согнута, а голова на три четверти немного повернута в сторону. У пастуха крупные черты лица: широкое округлое лицо, большие миндалевидные глаза с четко обозначенной линией бровей, широкий нос и пухлые губы, волосы волнистые. На плечах пастух несет барашка, держа его двумя руками за ноги, с правой стороны от пастуха изображена собака, определяемая по форме ушей и хвосту, которая, подняв мордочку вверх, смотрит на пастуха и барашка. Общая длина ручки – 10.5 см.

Как известно, образ Доброго пастыря был очень популярен в раннехристианском искусстве, хотя художественными прототипами его, несомненно, послужили античные изображения пастуха, покровителя стад Гермеса, с ягненком на плечах; Меркурия с барашком у ног, которые в свою очередь “уходят” корнями в пастушескую мифологию. Раннее христианство, как известно, рано ассимилировало символы, образы и обряды еврейской или средиземноморской цивилизации (Элиаде, 1995. С. 164).

В картинах сельской жизни древние постоянно изображали на стенописях или саркофагах пасту-

Рис. 1. Фигурка Пастуха с барашком на плечах из Герата (II–IV вв.).

ха, несущего на плечах овцу. Этот тип был настолько общеизвестен, что слушатели христианских проповедников могли живо представить себе пастыря при словах: “Азъ есмь пастырь добрый; пастырь добрый душу свою полагает за овцы своя” (Иоанн X, 11). А.С. Уваров считает, что появление символа Доброго пастыря следует относить в началу II в., так как, со слов Тертуллиана, уже в его времена он был не новым символом, а общепринятым и общеизвестным (Уваров, 1908. С. 180), что, однако, не подтверждается археологическими материалами.

Характерной особенностью образа Пастыря является его одеяние. Хитон или туника подпоясан и приподнят выше колен для удобства ходьбы. На плечи поверх хитона надет короткий плащ для защиты от плохой погоды во время путешествий. На ногах высокая обувь, греческий котурн, надеваемый охотниками и вообще всеми теми, кому приходилось много ходить. Котурн, зашнурованный спереди, охватывает ногу почти до колена и придерживает узкие штаны. В руках у пастыря или прямой посох, или посох с загнутым концом. Он держит и сосуд, в который доили овец, известный под именем *mulctra*. Иногда этот сосуд поставлен возле него (Уваров, 1908. С. 182, 183). Это типич-

Рис. 2. Изображение Доброго пастыря в доме христианской общины в Дура-Европос (232 г. н.э.).

ный образ Доброго пастыря, который был хорошо известен как на западе, так и на востоке. Первым следствием такого твердого и повсеместного установления типа Пастыря было то, что отдельные детали его образа (посох, сосуд для молока и животные, связанные с пастушескими занятиями: собака, заяц, агнец) сделались отдельными символами, но по смыслу остались в зависимости от первоначального образа Доброго пастыря. Собака находится в тесной связи с Пастырем. Как правило, она находится рядом с пастухом, обязательно с ошейником в знак того, что она домашнее животное, а не дикий зверь. А.С. Уваров также считает, что собака стала символом христианина (Уваров, 1908. С. 187–189).

Следует отметить, что Добрый пастырь – одна из самых популярных и излюбленных тем в раннехристианском искусстве. Этот образ был ярко запечатлен в живописи римских катакомб и на саркофагах III–V вв. н.э. (Lassus, 1966. С. 9–19). Несколько позднее он зафиксирован в ряде памятников Равенны, а также в Малой Азии.

Однако самую ближайшую аналогию Доброго пастыря из Герата мы находим на фреске в баптистерии дома христианской общины в Дура-Европос, древнейшем из известных в настоящее время зданий, специально предназначенных для христианского культа (Kraeling, 1967; Бонгард-Левин и др., 2005. С. 58–72; Гаилов, Кошеленко, 2002. С. 415). Граффити на стенах датируются примерно 232 г. н.э., т.е. значительно раньше, чем знаменитые росписи римских катакомб. На фреске в баптистерии изображен Пастырь, стоящий позади своего стада и держащий на своих плечах большого агнца. Он держит барашка за заднюю ногу левой рукой, справа перед Пастырем плотная шеренга из шести или семи овец, впереди которых следует еще одна шеренга белых овечек (рис. 2). Эта

сцена водительства своего стада Добрым пастырем занимает самое важное место в живописи баптистерия и является ярким свидетельством того, что данный образ был широко распространен и популярен на Востоке.

В нашем распоряжении имеются некоторые свидетельства письменных источников о христианстве в Гератском оазисе. Известно, что уже в V в. в Герате была создана епископская кафедра Церкви Востока (были известны имена трех епископов, служивших в Герате в то время, они присутствовали на Соборах 424, 486 и 497 гг.) При несторианском патриархе-католикосе Ишоабе I (582–595) епископ Герата был возведен в ранг митрополита (согласно подписи под решением Собора 585 г.). В дальнейшем Гератский митрополит в списке митрополитов Церкви Востока занимал 9-е место (или, согласно сведениям Илии Дамаского (ок. 900 г. н.э.), 3-е среди “внешних митрополитов”). В VII в. в Герате была создана епископская кафедра яковитов (Западная Сирийская Церковь). Из письма несторианского католикоса Тимофея I Сергию, митрополиту Элама (конец VIII – начало IX века), известно о теологических диспутах между яковитами и несторианами в этом городе. К югу от Герата, в небольшом городке Пушанг, также имелась несторианская кафедра, упомянутая в источниках VI в. н.э (Кошеленко, 2002. С. 80, 81).

Таким образом, рассматриваемый нами памятник достаточно хорошо коррелирует с данными письменной традиции. Необходимо, однако, в связи с этим указать, что данные письменных источников предостерегают против ранней датировки. Такая ранняя дата, как II в. н.э., во всяком случае полностью исключена. Даже в Мервском оазисе, который, как известно, был основным центром распространения христианства в данном регионе (Koshelenko et al., 1995. P. 55–70; Бадер и др., 1996. С. 85–94), самые ранние свидетельства говорят только о середине III в. как о времени появления христианской общины, поэтому тем более невозможна датировка культовых предметов II веком.

Подводя итоги, можно, как кажется, утверждать, что рассматриваемый в статье объект дей-

ствительно является изображением Доброго пастыря и подтверждает данные письменных источников о христианском присутствии в Гератском оазисе в позднеантичное и раннесредневековое время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер А., Гаиров В., Кошеленко Г. Мервская митрополия // Традиции и наследие христианского Востока. Матер. междунар. конф. М., 1996.
- Бонгард-Левин Г.М., Гаиров В.А., Кошеленко Г.А. Распространение христианства на Востоке (В свете исследований памятников Дюра-Европос) // ВДИ. 2005. № 3.
- Гаиров В.А., Кошеленко Г.А. Христианские памятники Дюра-Европос: открытие и значение // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 12. М.; Магнитогорск, 2002.
- Кошеленко Г.А. Христианство в Афганистане. // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002.
- Уваров А.С. Христианская символика. Часть первая: символика древне-христианского периода. М., 1908.
- Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1995.
- De l'Indus a l'Oxus. Archeologie de l'Asie Centrale. Catalogue de l'exposition. Lattes, 2003.
- Gatier P.-L. Sceau de plomb byzantin // De l'Indus à l'Oxus. Archeologie de l'Asie Centrale. Catalogue de l'exposition. Lattes, 2003.
- Gignoux Ph. Croix de procession de Hérat inscrite en pehlevi // Le Muséon, 2001. V. 114.
- Gignoux Ph. Le christianisme à Héart // De l'Indus à l'Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale. Catalogue de l'exposition. Lattes, 2003a.
- Gignoux Ph. Croix de procession // De l'Indus à l'Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale. Catalogue de l'exposition. Lattes, 2003b.
- Koshelenko G., Bader A., Gaibov V. The Beginnings of Christianity in Merv // Iranica Antiqua. 1995. V. XXX.
- Kraeling C.H. The Christian Building. The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and French Academy of Inscriptions and Letters. Final Report VIII. P. II. N.Y., 1967.
- Landes C. Extrémité supérieure d'un manche de couteau (?) // De l'Indus à l'Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale. Catalogue de l'exposition. Lattes, 2003.
- Lassus J. The early Christian and Byzantine world. L., 1966.

Monuments of Christianity in the Gerat oasis?

A. A. Kitaeva

Summary

The international conference devoted to the archaeology of Afghanistan took place in the town of Latt in 2003. The upper part of a staff of ivory from Gerat was published in the exhibition catalogue to the conference (the 2nd – 4th cc. AD). At its end a figure of a herder carrying a ram on his shoulders and a dog lying at his feet were carved. This figure with a ram on the shoulders reminds of the image of “the Good Shepherd” and is an indirect graphic reference to the Early-Christian image. This find is an important archaeological proof of the role of the Christianity in the Central Asian region in the Early Medieval period.